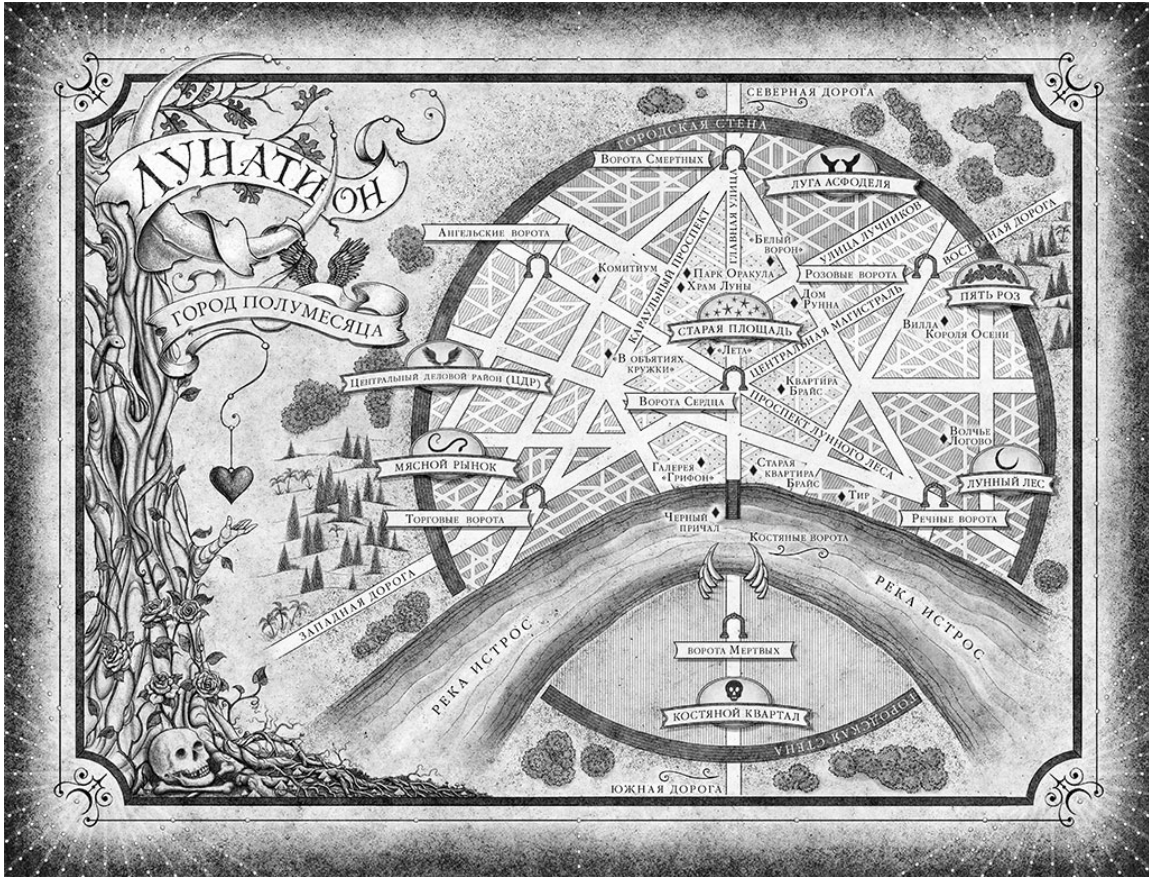

* * *

Четыре дома Мидгарда

о которых было объявлено в 33 году в. э. Имперским сенатом в Вечном Городе

ДОМ ЗЕМЛИ И КРОВИ

Оборотни, люди, ведьмы, обычные животные и множество других, к которым взывает Ктона, а также некоторые, избранные Луной.

ДОМ НЕБА И ДЫХАНИЯ

Малакимы (ангелы), фэйцы, элементали, спрайты^[1] и те, кто благословлен Соласом, наряду с теми, к кому благоволит Луна.

ДОМ МНОГОВОДИЯ

Речные духи, русалки, водяные звери, нимфы, келпи, никсы и другие, за которыми наблюдает Огенас.

ДОМ пламени И ТЕНИ

Демонаки, жнецы, призраки, вампиры, драки, драконы, некроманты и множество злонамеренных и безымянных существ, которых сама Урда не в состоянии увидеть.

Часть I

Пустое пространство

1

У входа в галерею стояла волчица.

Ее появление позволяло сделать два вывода. Во-первых, сегодня четверг, а во-вторых – Брайс устала до таких чертиков, что день недели могла определить только по появлению (и исчезновению) Даники.

Тяжелая металлическая дверь антикварной галереи «Грифон» вздрагивала от ударов кулака. Пальцы волчицы, сложенные в кулак, оканчивались ногтями, покрытыми лаком оттенка «пурпурный металлик». Этим ногтям, в чем Брайс не сомневалась, отчаянно требовался маникюр. Еще через мгновение долетел женский голос, немного приглушенный стальным листом:

– Биби, Хел тебя подери, открывай! На улице дерьмовое пекло!

Брайс, сидевшая за письменным столом в огромном выставочном зале галереи, усмехнулась и вывела на монитор изображение с наружной видеокамеры. Потом откинула за остроконечное ухо прядку винно-красных волос и спросила в переговорное устройство:

– Ты что, явилась с ног до головы в грязи? Такое ощущение, будто ты рылась на мусорной свалке.

– Откуда взялся этот идиотский глагол «рыться»? – спросила Даника.

Она переминалась с ноги на ногу. Лоб блестел от пота. Даника вытерла его рукой, забрызганной черной и тоже блестящей жидкостью.

– Если бы ты хоть раз заглянула в книгу, то знала бы и откуда взялся глагол, и его значение.

Брайс обрадовалась приходу Даники. Все утро она занималась галерейной рутинной и жаждала перерыва. Улыбнувшись, она встала из-за стола. Галерея не имела внешних окон, и видеть тех, кто приходил в «Грифон», позволяла лишь обширная сеть видеокамер. Даже Брайс с ее острым слухом полуфэйки не слышала никаких звуков извне, не считая ударов кулака, как сейчас. Здание галереи, выстроенное из песчаника, выглядело неприметным. Но хитроумная техническая начинка и первоклассные заклинания, обеспечивающие работу этих чудес, надежно охраняли многочисленные книги и манускрипты, собранные в подвальной библиотеке.

Казалось, стоило Брайс подумать о нижнем этаже, как оттуда сквозь шестидюймовую дверь донесся негромкий голосок:

– Это Даника?

– Да, Лехаба, – ответила Брайс и взялась за дверную ручку.

Ладонь загудела от заклинаний. Они, словно дым, клубились вокруг ее золотистой веснушчатой кожи. Скрипнув зубами, Брайс временно сняла заклинания. Проработав в галерее год, она так и не привыкла к этому ощущению.

С другой стороны обманчиво простой металлической двери, скрывавшей вход в библиотеку, послышалось предостережение Лехабы:

– Джезиба не любит, когда она сюда приходит.

– Это ты не любишь, – поправила Брайс, сощутив янтарные глаза.

Маленькая огненная спрайта, конечно же, сейчас приклеилась к другой стороне двери и подслушивала. Этим Лехаба занималась постоянно, подслушивая за каждым, кто посещал галерею.

– Возвращайся к работе, – распорядилась Брайс.

Лехаба не ответила. Наверное, спустилась вниз. Брайс открыла входную дверь и невольно вытаращила глаза. В лицо ударил знойный ветер, угрожая иссушить ее изнутри. А ведь лето едва началось.

Даника не только выглядела как явившаяся с раскопок на свалке. Она и пахла соответствующим образом. Ее волосы (в чистом виде прямые и шелковистые) выбивались из длинной тугой косы. Опять-таки в чистом виде, они красиво отливали аметистовыми, сапфировыми и розовыми оттенками. Сейчас волосы Даники покрывало нечто темное и маслянистое, пахнущее металлом и аммиаком.

– Долго же ты тащишься до двери, – проворчала Даника и вразвалочку вошла в помещение выставочного зала.

Меч, висящий сбоку, покачивался на ходу. Конец косы намотался на эфес, обтянутый старой, истертой кожей. Едва Даника остановилась возле стола, Брайс решила освободить эфес от волос.

Сама Даника поспешила освободиться от меча и стала развязывать тесемки, которыми ножны крепились поверх ее обтрепанной мотоциклетной куртки.

– Мне нужно на несколько часов пристроить это хозяйство, – заявила Даника.

Она сняла меч и направилась к деревянной стенной панели, за которой скрывался чулан.

Брайс привалилась к кромке стола и скрестила руки, ощущая под пальцами эластичную ткань своего черного облегающего платья.

– Твоя гимнастическая сумка и так провоняла на весь чулан. Если ты ее не убережешь, Джезиба вышвырнет ее в мусорный контейнер, как только вернется. А вернется она уже скоро.

Такой способ расправы был, пожалуй, самым гуманным в адском наборе Джезибы Роги.

Колдунье Джезибе стукнуло четыреста. Она родилась ведьмой, но дезертировала из своего клана. В дальнейшем Джезиба примкнула к Дому Пламени и Тени и нынче подчинялась только Королю Подземья. Этот Дом прекрасно отвечал ее способностям и склонностям. Арсенал ее заклинаний позволял составить конкуренцию любому колдуну и некроманту, какие принадлежали к этому самому мрачному и опасному из четырех Домов. Поговаривали, что Джезиба, если ее всерьез разозлить, превращала людей в животных. У Брайс не хватало смелости спросить, всегда ли мелкое зверье, населявшее клетки и террариумы галереи, было зверьем.

И потому Брайс старалась не злить Джезибу. Если задеть ванира, безопасных мест, куда можно шмыгнуть, не будет. Ванирами называли обширную расу, населявшую Мидгард. К этой расе принадлежало большинство населения планеты, за исключением людей и обычных животных. Для таких, как Брайс, даже наименее могущественные из ваниров таили смертельную опасность.

– Потом заберу, – пообещала Даника, нажимая потайную пружину, которая отодвигала панель.

Брайс трижды предупредила подругу, что чулан выставочного зала является местом хранения хозяйственного инвентаря, но никак не ее персональным шкафчиком. На это Даника всякий раз отвечала, что галерея, расположенная в самом сердце Старой Площади, находится куда ближе Логова волков в Лунном Лесу. Так оно и было.

Панель отъехала. Даника поморщилась и помахала рукой перед носом:

– Ты считаешь, что чулан провонял от моей гимнастической сумки?

Носок ее черного сапога уткнулся в другую, более объемистую полотняную сумку, втиснутую между шваброй и ведром. В той сумке лежали балетные принадлежности Брайс.

– Ты когда в последний раз стирала свои шмотки?

Брайс тоже поморщилась. Ее старые балетные туфли пахли весьма выразительно. К их «аромату» примешивался запах потного балетного костюма. Пару дней назад, в обеденный перерыв, она ходила на занятие, после чего оставила здесь сумку с трико, колготками и прочим балетным хозяйством. Вообще-то, виновата в этом была Даника. Она прислала Брайс заводное видео: на кухонном столе – «корень радости», из стареньких колонок возле окон гремит музыка. И приказ: немедленно идти домой. Брайс повиновалась. Они тогда так закурили, что кайф сохранялся и на следующее утро, когда неизвестно, как она доплелась до галереи.

Только этим можно объяснить, почему вчера она целых десять минут составляла коротенькое электронное письмо из двух фраз, выдавливая его из себя букву за буквой.

– Угомонись, – сказала Брайс. – Я тоже имею на тебя зуб.

Даника раздвинула хлам в чулане, освобождая место для меча.

– Кажется, я уже извинилась за съеденные остатки лапши. Сегодня куплю тебе большую порцию.

– Я не о лапше, дурища, хотя за нее тебе тоже надо бы вломить. Это был мой перекус на сегодня.

Даника усмехнулась.

– Татуировка жжет, как Хел, – пожаловалась Брайс. – Мне даже к спинке не прислониться.

– Помнится, татуировщик предупреждал тебя: болезненные ощущения сохраняются несколько дней, – монотонным голосом возразила Даника.

– Я была настолько пьяна, что в отказе от претензий собственное имя написала с ошибкой. В таком состоянии не очень-то понимаешь про болезненные ощущения и как долго они сохраняются.

Татуировка представляла собой текст, спускающийся по спине Брайс. Даника, сделавшая аналогичную татуировку, уже избавилась от всех болезненных ощущений. Это было одно из преимуществ чистокровного ванира: они выздоравливали куда быстрее людей или полукровок вроде Брайс.

Данике удалось пристроить меч в чулане.

– Обещаю вечером приложить лед к твоей больной спинке. А сейчас пусти меня в душ, и через десять минут я отсюда уберусь.

Подруга Брайс частенько заявлялась в галерею, особенно по четвергам, когда ее утреннее патрулирование оканчивалось в трех кварталах от «Грифона». Но Даника еще ни разу не просилась в душ. Как и библиотека, душевая находилась в подвале галереи.

– Что это на тебе? – спросила Брайс, косясь на жирные темные пятна.

Даника нахмурилась. На ее вытянутом лице появилась гримаса.

– Сатир с ночным сталкером подрались. Пришлось разнимать. – Увидев на руках запекшуюся черную корку, она оскалила белые зубы. – Даже не знаю, кто из них оросил меня своей гадостью.

Брайс фыркнула и указала на дверь библиотеки:

– Душ в твоём распоряжении. В нижнем ящике шкафа есть кое-что из одежды. Выберешь.

Грязные пальцы Даники обхватили дверную ручку. Она плотно сжала челюсти и почему-то сильно напрягла шею. Вытатуированный там улыбающийся рогатый волк – эмблема Стаи Дьяволов – даже завибрировал.

Дверь на лестницу, ведущую вниз, открывалась без усилий. Причина была в другом. Брайс это поняла, увидев одеревеневшую спину Даники. Брайс оглянулась на чулан, который подруга забыла закрыть. Меч, известный не только в этом городе, но и далеко за его пределами, привалился к отжимной швабре, упираясь нижним концом в ведро. Его старинные кожаные ножны почти скрывались за полным баком бензина для аварийного электрогенератора, установленного в подвале.

Брайс всегда удивляло, зачем Джезиба бережет старомодный генератор... пока на прошлой неделе в городе не произошло полное отключение общих линий первосвета. Только генератор и смог обеспечить работу механических замков и спасти галерею от мародеров. Желаящих поживиться чужим добром в ту ночь хватало. Из Мясного Рынка сюда понабежала и понаползла всякая шушера, пытаясь своими контрзаклинаниями сбить заклинания галереи.

Мысли Брайс вновь вернулись к Данике. К тому, как небрежно запихнула она меч в чулан. К необходимости принять душ. К

одеревеневшей спине.

– Тебя вызвали на встречу с правителями города? – спросила Брайс.

Они с Даникой подружились пять лет назад, встретившись на первом курсе университета Города Полумесяца. С тех пор Брайс могла по пальцам одной руки пересчитать случаи, когда встреча Даники с высшей городской администрацией была настолько серьезной, что требовала душа и переодевания. Даже когда Данику ожидало выступление с отчетом перед ее дедом – предводителем вальбаранских волков – или встреча с ее матерью Сабиной, она ограничивалась кожаной курткой, джинсами и относительно чистой футболкой с портретами какой-нибудь музыкальной группы, популярной в прошлые эпохи.

Конечно, такой наряд дочери до жути бесил Сабину. Впрочем, Сабину бесило все, что касалось Даники, а с какого-то времени и Брайс. Однако Сабина была не просто недовольная мамаша. Эта женщина являлась предводительницей Стаи Разящей Луны – отряда, занимавшего главенствующее положение среди отрядов оборотней, которые входили во Вспомогательные силы города.

Не имело значения, что Сабина уже не первый век была вероятной кандидаткой на звание предводительницы вальбаранских волков, поскольку ее отец (и дед Даники) неуклонно старел. Даника официально занимала второе место в очереди. Но потом поползли слухи (и ползали не один год), что Даника может обойти мать в этой гонке. Вскоре слухи подтвердились. Старый волк передал внучке фамильный меч, тогда как к дочери наследие предков должно было перейти только после его смерти. (И Сабина за несколько веков привыкла к этой мысли.) Однако в восемнадцатый день рождения Даники меч воззвал к ней, и зов был столь же ясным, как волчий вой в лунную ночь. Так предводитель объяснил свое неожиданное решение.

Сабина постоянно помнила о пережитом унижении. Даника носила меч почти везде – особенно в дни встреч с матерью.

Даника остановилась во внушительном арочном проеме, на верхней ступеньке устланной зеленым ковром лестницы, что вела в подвал галереи. Именно там и находились настоящие сокровища, денно и нощно оберегаемые Лехабой. Именно поэтому Даника, имевшая в университете высшие баллы по истории, любила спускаться

в библиотеку галереи. Само разглядывание древних предметов искусства и листание таких же древних книг доставляло ей огромное удовольствие (как бы Брайс ни проходила насчет ее образованности).

Даника повернулась. Ее глаза цвета карамели были полузакрыты.

– Сегодня освобождают Филипа Бриггса.

– Что? – подпрыгнула Брайс.

– Его выпускают из-за какой-то идиотской процессуальной ошибки. Кто-то что-то напортачил в документации. Полный отчет мы получим на собрании.

Даника сжала зубы, выпятив изящный подбородок. Стеклянные чаши светильников, установленных вдоль стен лестницы, бросали отсветы на ее грязные волосы.

– Поганее не придумаешь, – добавила она.

У Брайс свело в животе. До сих пор мятежи среди людей не выходили за пределы северных областей Пангеры – обширного континента по другую сторону Хальдренского моря. Однако Филип Бриггс приложил все усилия, чтобы эта зараза проникла и на Вальбару.

– Но ведь ваша стая взяла Бриггса тепленьким. Прямо в его паршивой маленькой лаборатории, где он делал бомбы.

Даника ударила сапогом по зеленому ковру:

– Бюрократия вмешалась. Законники долбаные!

– Он же готовил взрыв в клубе. В «Белом вороне». Вы нашли кучу улик. Прежде всего – планы устройства взрыва.

«Белый ворон» был едва ли не самым популярным ночным клубом в городе. Посетителей там всегда хватало с избытком. В случае взрыва жертвы исчислялись бы десятками, если не сотнями. Прежние взрывы, осуществленные Бриггсом, были не столь масштабными, но и они уносили жизни. Все это делалось, чтобы спровоцировать войну между людьми и ванирами, сопоставимую с той, что бушевала на холодных землях Пангеры. Бриггс не делал секрета из своей цели: развязать глобальный конфликт, который бы унес миллионы жизней с обеих сторон. Чужие жизни для него ничего не значили. Главное – угнетателей. Угнетателями люди считали ваниров, которые жили значительно дольше людей и вдобавок имели магические способности. Особую ненависть у мятежников вызывала элита ваниров – астерии, управлявшие планетой Мидгард из Вечного Города на континенте Пангера.

Но Даника и Стая Дьяволов не дали свершиться задуманному. Они захватили Бриггса и его главных сообщников – кересских мятежников. Трудно сказать, сколько невинных жизней спасли волки от безумия оголтелых фанатиков.

Будучи одним из элитных отрядов оборотней, входящих во Вспомогательные силы города, Стая Дьяволов патрулировала городской район, именуемый Старой Площадью. Они следили за тем, чтобы подвыпившие, фривольно ведущие себя туристы не расстались с жизнью, поддавшись на обман сомнительных личностей. Они же следили за порядком вокруг баров, кафе, музыкальных салонов и магазинов, преграждая доступ разной шушере, которая за день ухитрялась проникнуть в центр города. И конечно же, делали все, чтобы люди, подобные Бриггсу, содержались в тюрьме.

Ту же службу нес и 33-й имперский легион, но ангелы, входившие в легендарные ряды персональной армии губернатора, лишь гневно сверкали глазами и грозили жуткими карами, если их посмеют задеть.

– Можешь мне верить, – сказала Даника, спускаясь вниз. – На встрече я всем с предельной ясностью растолкую, что освобождение Бриггса недопустимо.

Она это сделает. Даже если ей придется рычать в лицо Микаю Домитусу, она доведет до него свою точку зрения. Немногие осмеливались злить архангела Города Полумесяца, но Даника не дрогнет. Учитывая, что на встрече будут присутствовать все семеро правителей, накал страстей ожидался нешуточный. Город Полумесяца входил в метрополию, официально называвшуюся Лунатион. Домитус являлся старшим правителем, остальные шестеро – младшими. Отношения между ними всегда были достаточно напряженными. Каждый правитель контролировал определенную часть города: правитель волков – Лунный Лес, фэйский Король Осени – Пять Роз, Король Подземья – Костяной Квартал, Королева Змей – Мясной Рынок, а Оракул – Старую Площадь. Речная Королева, очень редко появлявшаяся на встречах, представляла Дом Многоводия и ее Голубой Двор, находящийся глубоко под бирюзовыми водами реки Истрос. Только чрезвычайные обстоятельства могли заставить королеву подняться на поверхность.

Люди, жившие на Лугах Асфоделя, не имели правителя и не принимали никакого участия в управлении городом. Неудивительно,

что это обстоятельство добавило Филипу Бриггсу немало сторонников.

Но Микай – правитель Центрального делового района (сокращенно ЦДР) – был выше всех. Помимо городских титулов, он являлся архангелом Вальбары. Правителем всей этой чертовой территории. Он подчинялся только шести астериям в Вечном Городе – столице и бьющемся сердце Пангеры и столице всей планеты Мидгард. Если кто и мог удержать Бриггса в тюрьме, так только он.

Даника спустилась вниз. Изгиб потолка скрывал ее от глаз Брайс. Подойдя к арке, та услышала:

– Привет, Сиринкс.

Ответом был довольный визг тридцатифунтового химера.

Брайс очень нравился Сиринкс. Джелиба приобрела это низшее существо пару месяцев назад, предупредив Брайс: «Это тебе не кот какой-нибудь. Существо редкое и дорогое. Я купила его исключительно в помощь Лехабе. Вместе им будет легче охранять библиотеку. Не мешай ему работать».

Брайс не торопилась огорчать Джелибу, но Сиринкс повадками очень напоминал кота. Еда и сон интересовали его больше всего прочего. Он любил, когда ему чесали брюхо. А вот охрана драгоценных книг занимала его куда меньше. Пусть хозяйка сама убедится в этом, если у нее дойдут руки до проверки десятков видеокамер, которыми была напичкана библиотека.

– Чего такая грустная, Лехаба? – растягивая слова и не скрывая усмешки, спросила Даника. – Того и гляди трусики от тоски свалятся.

– Я не ношу трусиков. И вообще никакой одежды не ношу, – проворчала Лехаба. – Когда вся состоишь из пламени, одежда мешает. Вот так-то, Даника.

Даника хохотнула. Похоже, между огненной спрайтой и волчицей назревал поединок. Брайс решала, предложить ли себя в качестве арбитра, но в этот момент на столе зазвонил телефон. Она догадывалась, кто звонит.

Утопая каблуками в плюшевом ковре, Брайс поспешила к телефону, чтобы успеть снять трубку раньше, чем тот переключится в режим автоответчика. Тогда бы ее ждала пятиминутная лекция.

– Привет, Джелиба.

Ей ответил красивый, переливчатый женский голос:

– Пожалуйста, передай Данике Фендир, что, если она и дальше будет пользоваться нашим чуланом как своим личным шкафчиком, я превращу ее в ящерицу.

2

К тому времени как Даника вернулась из душа, Брайс успела послушаться упреков Джезибы, касавшихся ее нерасторопности (фоном звучала легкая угроза), и получить электронное письмо от рассерженной клиентки. Та требовала ускорить оформление документов на покупку древней вазы, чтобы на ближайшей вечеринке, намеченной на понедельник, она смогла продемонстрировать новинку своим подругам. Естественно, они тоже были возмущены проволочками галереи. Пришло два сообщения от членов стаи Даники, интересовавшихся, не намерена ли их предводительница, взбешенная освобождением Бриггса, кого-нибудь убить.

Натали, второй заместитель Даники, спрашивала по существу: «Она еще не спятила из-за Бриггса?»

Коннор Холстром, первый заместитель, несколько осторожнее относился к тому, что отправлял в электронное пространство. (Риск утечки существовал всегда.) Он ограничился вопросом: «Ты уже говорила с Даникой?»

«Да. Мы всё обсудили», – успела ответить Брайс. В этот момент архивная дверь распахнулась и оттуда появилась волчица ростом с пони. Ее когти скрежетнули по металлу двери.

– Тебе настолько противна моя одежда? – спросила Брайс, вставая из-за стола.

У волчицы были те же глаза цвета карамели. Только они и смягчали угрожающую грациозность, с какой Даника в волчьем обличье двигалась к столу.

– Не волнуйся, я надела твои тряпки, – ответила волчица, сверкая длинными острыми клыками.

Даника шевельнула пушистыми ушами, покосившись на выключенный компьютер и сумочку Брайс:

– Никак, ты пойдешь со мной?

– Да. Поработаю ищейкой Джезибы. – Брайс подхватила кольцо с полудюжиной ключей. – Она опять приставала ко мне с поисками Рога Луны. Можно подумать, что я не искала его всю минувшую неделю.

Даника уставилась в одну из видеокamer, смонтированную за обезглавленной статуей танцующего фавна. (Утверждали, что этой

статуе десять тысяч лет.) Потом махнула пушистым хвостом.

– А чего она так залипла на этом Роге?

– Мне смелости не хватает спросить, – пожала плечами Брайс.

Стараясь не зацепить когтями ни одной нити в ковре, Даника подошла к входной двери.

– Сомневаюсь, что она намерена вернуть Рог храму исключительно по доброте душевной.

– Я тоже. Чую, Джезиба старается его раздобыть ради своих интересов.

Здание галереи находилось неподалеку от реки Истрос. Они вышли на тихую улицу. Полуденное солнце прожаривало каменные плиты тротуара. Даника шла по левую руку: крепкая стена из шерсти и мышц, отделявшая Брайс от проезжей части.

Кража священного Рога была самым громким происшествием, вызванным отключением городской энергосистемы. Под покровом темноты грабители проникли в Храм Луны и похитили фэйскую реликвию, забрав Рог с коленей статуи Луны, восседающей на троне.

Архангел Микай лично объявил о внушительной награде за возвращение Рога Луны и пообещал, что святотатец, посмеивший украсть реликвию, ответит по закону.

Это означало публичную казнь через распятие.

Брайс всегда старалась обходить стороной площадь в Центральном деловом районе, где обычно совершались такие казни. В иные дни (это зависело от температуры воздуха и направления ветра) запах крови и зловоние гниющего тела распространялись на целый десяток окрестных кварталов.

Брайс приноровилась к походке Даники. Рослая волчица зорко оглядывала улицу, вынюхивая малейший признак опасности. Благодаря фэйскому наследию обоняние Брайс было намного острее, чем у обычных людей. В детстве она часами развлекала родителей, описывая запахи всех жителей Нидароса – городка в горах, где жила ее семья. Люди не обладали такими способностями, однако способности Брайс значительно уступали дарованиям подруги.

Пока они шли, Даника вильнула хвостом всего один раз, и явно не от радости.

– Остынь, – посоветовала ей Брайс. – Изложишь свою точку зрения правителям. Они что-нибудь накумекают.

Даника опустила уши.

– Все кончится дерьмом, Биби. Полнейшим дерьмом.

– Ты всерьез считаешь, что кого-то из правителей устраивает Бриггс, разгуливающий на свободе? Они найдут зацепку в законе и водворят его обратно в тюрьму.

Даника так и не повернула морду в ее сторону, и потому Брайс поспешила добавить:

– Тридцать третий легион наверняка следит за каждым шагом Бриггса. Одно подозрительное движение – и ангелы обрушат на этого мерзавца всю свою мощь. Клянусь Хелом, губернатор даже может послать Умбру Мортиса на его ликвидацию.

Умбра Мортис было прозвищем персонального ассасина Микая. Он обладал редким даром метать молнии и мог устранить любую угрозу.

– Я и сама справлюсь с Бриггсом! – сверкнув зубами, прорычала Даника.

– Знаю, Даника. И все это знают.

Даника обшарила глазами улицу, мельком взглянула на прикрепленный к стене плакат и негромко выдохнула. Плакат изображал шестерых астериев, восседающих на тронах. Седьмой трон пустовал, напоминая об их погибшей сестре.

Груз ответственности и ожиданий, лежавший на плечах Даники, попросту сокрушил бы Брайс. Брайс благодарила Хел за то, что лишена подобных привилегий. Когда она допускала какой-то ляп, Джезиба на несколько минут выходила из себя, и этим все кончалось. Ляпы Даники сразу занимали центральное место в новостях и накаляли электронную паутину. Не в последнюю очередь – стараниями Сабины.

Брайс и Сабина возненавидели друг друга со дня первой встречи. Это случилось в тот день, когда Брайс впервые после поступления явилась в университет Города Полумесяца. Сабина издевательски усмехнулась, узнав, кто достался в соседки по комнате ее единственной дочери. Никчемная полукровка! Данику Брайс полюбила с первого дня, едва та протянула руку и улыбнулась. Затем сказала, что Сабина просто злится из-за собственного тщеславия. Мамочка-то надеялась, что соседкой ее чада окажется мускулистая вампирша, о которой можно рассказывать всем подряд.

Даника редко позволяла чужим мнениям (в особенности мнению Сабины) портить ей настроение и выбивать из обычного состояния нагловатой веселости. Но бывали черные дни вроде этого... Брайс погладила волчицу по мускулистому боку, пытаясь хоть так утешить.

– Думаешь, Бриггс посмеет отомстить тебе или стае? – спросила Брайс; у нее самой от этой мысли свело живот.

Задержание Бриггса Даника производила не в одиночку, и потому его врагами стала вся Стая Дьяволов.

– Не знаю, – ответила Даника и поморщилась.

Эти слова несколько раз прозвучали в ушах Брайс, отразившись от невидимых стен. В честном поединке мятежнику было бы не выстоять против Даники. Но маленькая паршивая бомбочка могла изменить расклад сил. Если бы Даника совершила Нырок в бессмертие, она бы еще выжила. А поскольку она так и не удосужилась это сделать (единственная из Стаи Дьяволов)... У Брайс пересохло во рту.

– Будь осторожна, – тихо сказала она.

– Постараюсь, – ответила Даника, чьи глаза по-прежнему были полны теней.

Затем она резко мотнула головой, словно отряхиваясь после купания. Движение это было чисто собачьим. Брайс видела его не впервые и часто удивлялась, как Данике удается отбрасывать страхи или хотя бы запихивать их подальше, чтобы не мешали жить.

– На сегодняшней встрече будет и твой брат, – сообщила Даника, меняя тему.

«Сводный брат, – мысленно поправила ее Брайс. – Сводный брат и чистокровный напыщенный фэйский придурок».

– И что?

– Да ничего. Решила тебя предупредить. – Настороженность на волчьей морде чуть уменьшилась. – Наверняка спросит о тебе.

– Передай Рунну, что я занята важной дерьмовщиной, а он может оправляться прямо в Хел.

Даника усмехнулась:

– Кстати, а где ты собираешься разыскивать Рог?

– В храме, – вздохнула Брайс. – Честно говоря, я без конца думаю о его поисках, но так ничего и не придумала. Никаких подозреваемых, никаких слухов с Мясного Рынка о подпольной продаже Рога. Я даже

не понимаю, кому вообще понадобилось его красть. Рог настолько знаменит, что любой, кто его украл, влип по полной.

Она хмуро посмотрела на безоблачное небо.

– У меня и такая мысль мелькала. Кто-то мог нарочно устроить сбой в сети первосвета, чтобы возник хаос и было легче спереть Рог. В городе наберется два десятка личностей, которые могли отважиться на такое. Половина из них обладает достаточными возможностями, чтобы повернуть этот номер.

Хвост Даники дернулся.

– Если существуют такие, как ты говоришь, личности, я бы советовала не усердствовать с поисками. Поводи Джезибу за нос, покажи, что ты усердно ищешь Рог, а потом тихо спусти на тормозах. К тому времени либо Рог где-нибудь всплывет, либо она зациклится на новой ерунде.

– Понимаешь... Если я найду Рог, это сильно поможет мне продвинуться, – призналась Брайс.

Какую карьеру она собиралась делать в галерее? Брайс сама этого толком не знала. Проработав в «Грифоне» год, она не испытывала ничего, кроме отвращения, видя, какие до неприличия большие деньги выкладывают богачи за антикварные безделушки.

– Знаю, – ответила Даника, и ее глаза сверкнули.

На шее Брайс висел кулон в виде трех переплетенных колец. Ее пальцы скользнули по тонкой цепочке и дотронулись до них.

Даника ходила на дежурства, вооруженная когтями, мечом и пистолетами. Доспехи Брайс состояли из архезианского амулета размером с ноготь ее большого пальца. Кулон был подарком Джезибы, врученным Брайс в первый день работы.

Помнится, Даника тогда назвала подарок «хазматскими доспехами, упрятанными в кулон». Ее восхитило, насколько эффективно амулет защищал от разностороннего магического воздействия. Архезианские амулеты стоили недешево, и потому Брайс не тешила себя иллюзиями насчет истинных мотивов Джезибы. Случись с Брайс какая-нибудь неприятность, страховые выплаты обошлись бы хозяйке еще дороже.

– Ни в коем случае не снимай его, – сказала Даника. – Особенно когда суешься в дерьмо вроде поисков Рога.

Пусть Рог давно утратил свои магические свойства, а укравший его обладал значительной силой, для Брайс никакая защита не будет

лишней.

– Конечно, конечно, – пробормотала Брайс, сознавая правоту Даники.

Надев кулон, она никогда его не снимала. Даже если Джезиба с треском выпрет ее из галереи, она постарается, чтобы подарок хозяйки остался при ней. Даника неоднократно втолковывала ей это, повторяя, что предводительнице волков свойственно любой ценой защищать своих. Потому-то Брайс и любила подругу, и в такие моменты у нее от любви и благодарности сжимало грудь.

В сумочке Брайс зазвенел телефон. Она достала аппарат. Даника увидела номер, наострила уши и завиляла хвостом.

– О Бриггсе ни слова, – предупредила Брайс и нажала кнопку. – Привет, мама.

– Здравствуй, дорогая, – зазвенел в динамике голос Эмбер Куинлан, находящейся в трехстах милях отсюда. Брайс улыбнулась. – Я хотела еще раз уточнить насчет нашего приезда в следующие выходные.

– Привет, мамочка! – рявкнула в телефон Даника.

Эмбер засмеялась. «Мамочкой» для Даники она стала с первого дня их знакомства. Брайс была ее единственным ребенком, и Эмбер очень обрадовалась, неожиданно приобретя вторую дочку – такую же своевольную и бедовую.

– Даника с тобой? – спросила Эмбер.

Брайс расширила глаза, не зная, как подруга будет разговаривать в ее волчьем обличье. Но Даника уже вернула себе привычный вид. Вместо волчицы рядом с Брайс стояла худенькая девушка. Забрав телефон, Даника зажала аппарат плечом, одновременно расправляя белую шелковую блузку, которую ей одолжила Брайс. Оставалось заправить блузку в потертые джинсы. Данике удалось счистить с брюк и куртки бóльшую часть грязи, оставленной ночным сталкером. А вот футболку придется выбросить.

– Мы с Брайс вышли прогуляться.

Заостренные уши Брайс позволяли слышать разговор.

– Куда? – спросила Эмбер.

Сверхопека превратилась у Эмбер Куинлан в разновидность спорта.

Переезд Брайс в Лунатион был испытанием характера. Эмбер уступила, лишь увидев, с кем ее дочь-первокурсница будет жить в

одной комнате. Но и тогда она прочла Данике целую лекцию о том, что необходимо для безопасности Брайс. К счастью, Рэндалл – отчим Брайс – через полчаса остановил словесный поток жены. «Брайс умеет за себя постоять, – напомнил Рэндалл. – Мы это видели. В университете Брайс продолжит тренироваться».

Брайс не забывала о тренировках и сейчас. Несколько дней назад она упражнялась в стрельбе по мишеням, добросовестно повторяя все, чему еще в детстве научил ее Рэндалл, которого она привыкла считать отцом. Она умела разбирать и собирать пистолет, прицеливаться и управлять дыханием.

Брайс умела стрелять, но считала огнестрельное оружие страшными машинами убийства и радовалась, что в Республике оно не имеет свободного хождения. Но ее шансы на самозащиту, не считая скорости и нескольких умело примененных приемов, были невелики. А для людей, как и для полукровок, наличие пистолета означало разницу между жизнью и смертью.

– Мы идем к уличным торговцам. Хотим полакомиться деликатесами из баранины, – на ходу сочинила Даника и, раньше чем Эмбер успела ответить, продолжила: – Должно быть, Биби тебе не сказала, что на следующие выходные мы едем в Калаксос. Команда Итана играет там в солнечный мяч. Мы отправимся всей стаей его поддержать.

Сказанное было полуправдой. Игра действительно состоится, но о том, чтобы поехать и поддержать младшего брата Коннора – звезду университетской команды, – не было и речи. Это сегодня Стая Дьяволов собиралась отправиться на университетский стадион и поддержать Итана. Но на игры в других городах Брайс и Даника перестали ездить со второго курса. Тогда Даника спала с одним защитником.

– Печальная новость, – вздохнула Эмбер. Брайс буквально видела нахмуренное лицо матери. – А мы дни считали до этой поездки.

Огненный Солас, эта женщина мастерски умела давить на чувство вины. Брайс поморщилась и забрала у подруги телефон:

– Мы тоже дни считали, но... давайте перенесем встречу на следующий месяц.

– Это еще столько ждать.

– Хел побери, клиентка идет навстречу, – соврала Брайс. – Она меня в галерее доставала. Надо смотаться, пока не увидела.

– Брайс Аделаида Куинлан...

– Пока, мамочка.

– Пока, мамочка! – повторила за нею Даника.

Брайс отключилась и со вздохом подняла глаза к небу. Мимо проносились ангелы. Следом по залитым солнцем улицам мчались их тени.

– Входящее сообщение через три, две...

Телефон мелодично звякнул, приняв сообщение Эмбер. «Если бы не моя проницательность, я бы подумала, что ты избегаешь нас. Нехорошо, Брайс. Твоего отца это очень расстроит».

– Эк она на тебя давит, – присвистнула Даника.

– Если Бриггса оставят на свободе, я не позволю им приехать в город, – простонала Брайс.

– Знаю. – Даника перестала улыбаться. – Пока ситуация не прояснится, будем изобретать новые уловки.

Спасибо Ктоне за Данику. У нее всегда есть план на каждый случай.

Брайс убрала телефон в сумочку, оставив материнское сообщение без ответа.

* * *

Кварцевая арка ворот в сердце Старой Площади была прозрачной, как замерзший пруд. Когда Брайс и Даника туда добрались, солнце освещало лишь верхнюю кромку, отбрасывая маленькие радуги на стены окрестных зданий. В день летнего солнцестояния солнце и ворота образовывали одну линию, и тогда радуги покрывали всю площадь. Их было великое множество, отчего казалось, словно ты движешься внутри бриллианта.

По площади бродили туристы. К воротам змеилась очередь из желающих сфотографироваться на фоне двадцатифутовой достопримечательности. Как и остальные шесть городских ворот, они были вырезаны из громадных кварцевых глыб. Кварц добывали в Лаконианских горах, к северу от города. Эти ворота часто называли Воротами Сердца благодаря их точному местонахождению в центре

Лунатиона. Остальные шесть были равноудалены от них и стояли на дорогах, ведущих за пределы городской стены.

– Пора бы устроить специальный проход для жителей, – проворчала Брайс, работая локтями и проталкиваясь сквозь туристов и уличных торговцев.

– И брать с туристов штраф за то, что едва переставляют ноги, – добавила Даника.

Это не помешало ей одарить волчьей улыбкой молодую человеческую пару. Узнав ее, они разинули рот и принялись делать снимки.

– Интересно, о чем бы они подумали, если бы знали, что ты сплошь покрыта ароматами ночного сталкера, – усмехнулась Брайс.

– Дура! – пихнула ее локтем Даника.

Дружески помахав туристам, она пошла дальше.

С другой стороны ворот теснились лотки торговцев, предлагавших еду и всякую сувенирную всячину. За ними начиналась вторая очередь – к золотой площадке, выступавшей из земли.

– Придется двигаться наперерез, – сказала Брайс, хмуро поглядывая на разморенных жарой туристов.

Но Даника остановилась, повернув худощавое лицо к воротам и площадке:

– Давай произнесем желание.

– Я не стану торчать в очереди.

Поздними вечерами, возвращаясь домой из «Белого ворона», они просто выкрикивали свои желания. И площадь в такое время всегда бывала пуста.

Брайс достала телефон и проверила время:

– Разве ты не торопишься в Комитиум?

Отсюда до комплекса из пяти высотных башен, в одной из которых помещалась резиденция губернатора, было не менее пятнадцати минут ходу.

– Успею.

Схватив Брайс за руку, Даника потащила подругу сквозь толпу к главной точке туристского притяжения. Среди кварцевых плит, которыми была замощена площадь, выступала золотая площадка высотой в четыре фута. Ее украшал круг из семи драгоценных камней,

обозначавших семь разных частей города. Их эмблемы были выгравированы на золоте, рядом с самоцветами.

Пять Роз символизировали изумруд и гравированная роза. Опал и пара крыльев указывали на Центральный деловой район, рубин и сердце – на Старую Площадь, сапфир и дуб – на Лунный Лес, аметист и человеческая рука – на Луга Асфоделя, тигровый глаз и змея – на Мясной Рынок, а оникс, настолько черный, что поглощал свет, и череп со скрещенными костями – на Костяной Квартал.

Внутри круга из камней и эмблем находился небольшой, слегка выступающий диск. Его металл был сильно истерт руками, лапами и прочими конечностями. Рядом поблескивала табличка с напоминанием: «К диску вы прикасаетесь на свой страх и риск. Не дотрагиваться в промежутке между закатом и восходом. Нарушители будут оштрафованы».

Судя по длинной очереди желающих прикоснуться к диску, они не боялись и были готовы рискнуть.

Возле диска оказались двое хихикающих подростков-оборотней. Судя по запаху, кошачьей породы. Мальчишки подбадривали и подзадоривали друг друга, однако притронуться к диску не решались.

– Жалкое зрелище, – бросила Даника.

Она двинулась мимо очереди, ограждения и скучающей фэйки-охранницы прямо к площадке. Достав из кармана куртки жетон, Даника помахала перед носом охранницы. Узнав ее, фэйка застыла, даже не взглянув на золотую эмблему – лук в виде полумесяца и вставленную в него стрелу. Охранница молча отошла.

– По заданию Вспомогательных сил, – объявила Даника, сделав раздражающе невозмутимое лицо. – Пару минут, не больше.

Брайс подавляла смех, спиной прекрасно улавливая взгляды стоящих в очереди.

– Если кишка тонка желание высказывать, освободите место, – лениво процедила мальчишкам Даника.

Они поспешили было к ней, но тут же остановились. Физиономии обоих стали смертельно бледными.

Даника улыбнулась, показав почти все зубы. Зрелище было не из приятных. Один из них шепотом выругался.

Брайс тоже спрятала улыбку. Она не переставала испытывать благоговейное восхищение Даникой, прекрасно сознавая, что подруга

честно зарабатывает его своей ежедневной службой. То же восхищение появлялось на лицах незнакомцев, когда они видели ее светлые волосы и татуировку на шее. А вот у всякой швали встреча с Даникой вызывала неподдельный страх. Эти хорошенько подумают, прежде чем связываться с нею и Стаей Дьяволов.

Исключение составлял лишь Филип Бриггс. Брайс послала молитву в синие чертоги богини морей Огенас, чтобы та, если Бриггса оставят на свободе, внушила ему мысль держаться подальше от Даники.

Мальчишки отошли и буквально сразу заметили Брайс. Изумление на их лицах сменилось известным интересом, свойственным юнцам в таком возрасте.

«Размечтались», – подумала Брайс и усмехнулась.

Один из них, вновь повернувшись к Данике, произнес, запинаясь на каждом слове:

– Мой учитель истории рассказывал, что изначально ворота служили средством коммуникации.

– С такими глубокими... домыслами ты очаруешь любую девицу, – равнодушно бросила ему Даника.

Наверное, мальчишки решили попробовать, поскольку вернулись в хвост очереди. Брайс усмехнулась им вслед и встала рядом с Даникой у золотой площадки.

Между тем подросток оказался прав. Семь городских ворот, поставленные на силовых линиях, прочерчивающих Лунатион, позволяли городской страже сотни лет назад быстро связываться друг с другом. Когда кто-то касался рукой золотого диска в центре площадки и что-то говорил, его голос путешествовал к другим воротам. Вспыхнувший самоцвет показывал, из какой части города приходит ответ.

Конечно, для этого требовалось немного магической силы. Площадка высасывала ее у прикоснувшегося к диску, как вампир высасывает кровь из вены. В отличие от кроветворения, происходящего в организме постоянно, магическая сила уходила безвозвратно.

Брайс посмотрела на бронзовую табличку над головой. Все кварцевые ворота были мемориалами; в память о какой войне или конфликте – она не знала. И везде – такие же таблички с одинаковой

надписью: «Сила всегда будет принадлежать тем, кто отдал жизнь за наш город».

Эту фразу вполне можно было истолковать как вызов, брошенный правлению астериев. Брайс всегда удивляло, почему правители сохранили ворота и таблички с дерзкими словами. С появлением телефонов ворота утратили былое значение, зато превратились в излюбленное развлечение туристов и местной ребятни. Можно было нагнуться к диску и прошептать какую-нибудь непристойность, а твой дружок у других ворот ее услышит. Переговариваться подобным образом стало модным, и древний способ общения обрел вторую жизнь. В выходные, ближе к ночи, пьяные придурки (к их числу, конечно же, относились и Брайс с Даникой) вытворяли и вовсе непотребные вещи с воротами. Это допекло городские власти, отчего и появился запрет на прикосновение к диску в промежутки от заката до восхода.

Еще через какое-то время появился совершенно тупой, дурацкий предрассудок: ворота якобы способны исполнять желания. Капельку магической силы, которую ты им отдавал, объявили приношением пяти богам.

Брайс сознавала: все это чушь собачья, но, если ее желание хотя бы частично снимет страх Даники перед освобождением Бриггса, она готова.

– Что ты пожелаешь? – спросила она у Даники, когда та склонилась над диском, все самоцветы которого оставались темными.

Изумруд возле эмблемы Пяти Роз вспыхнул, и звонкий девичий голос прокричал:

– Сисек!

В очереди засмеялись. Смех туристов напоминал журчание воды в каменном желобе. Брайс тоже усмехнулась.

Лицо Даники оставалось серьезным.

– У меня множество желаний.

Не дав Брайс вставить вопрос, она пожала плечами и продолжила:

– Но сейчас я пожелаю, чтобы этим вечером матч закончился победой команды Итана.

С этими словами Даника коснулась диска, слегка вздрогнула и отошла, негромко засмеявшись. Ее глаза цвета карамели озорно сверкнули.

– Твоя очередь.

– Ты же знаешь, магической силы у меня совсем немного, но я попробую, – сказала Брайс, не желая уступать даже предводительнице волков.

Со дня их встречи в университетском общежитии они всё делали вместе. Так было, и так будет всегда.

Даже Нырок они собирались совершить вместе: вместе застыть в бессмертия. А их Якорями будет, конечно же, Стая Дьяволов.

Строго говоря, Нырок не являлся обретением полного бессмертия. Ваниры тоже старились и умирали от естественных и иных причин. Но Нырок настолько замедлял процессы старения, что проходили века, прежде чем появлялась первая морщинка. (Здесь еще многое зависело от того, к какой разновидности ваниров ты принадлежал.) Фэйцы были способны прожить тысячу лет, оборотни и ведьмы – пятьсот, а срок жизни ангелов находился в промежутке между этими точками. Людям Нырок был недоступен, поскольку они не имели никакой магической силы. Учитывая среднюю продолжительность жизни людей и то, как медленно они оправлялись от болезней и ран, ваниры и в самом деле являлись бессмертными. Дети некоторых достигали зрелости, только когда им переваливало за восемьдесят. И еще одно, очень важное обстоятельство: совершивших Нырок было крайне трудно убить.

Брайс редко задумывалась, в какой части спектра окажется она; позволит ли ее полуфэйское наследие прожить сто лет или тысячу. Пока Даника рядом, остальное значения не имело. И в момент Нырка подруга тоже будет рядом. Они вместе совершат этот весьма небезопасный прыжок в магическую зрелость, вместе столкнутся с тем, что таится в самых глубинах их душ, а затем, прежде чем мозг погибнет от нехватки кислорода, стремительно вернуться в жизнь. Или... вообще не вернуться, о чем думать не хотелось.

И если сила, обретенная Брайс, позволит ей успешнее отжигать на вечеринках, Даника получит просто море силы. Станет могущественнее Сабины. Возможно, Даника сравняется с фэйской придворной знатью, а может, даже превзойдет самого Короля Осени.

До сих пор никто из оборотней не обретал такой силы, но прогноз был сделан по тестам, проведенным в детстве. Совершив Нырок, Даника превзойдет силой всех здешних волков. Если верить легендам, такие случаи были в седой древности, и не здесь, а на Пангере.

Даника станет не только предводительницей волков Города Полумесяца. Ее потенциал позволял ей стать предводительницей вообще всех волков на этой долбаной планете.

Сама Даника плевать на это хотела и вообще не строила никаких планов на будущее.

Двадцать семь – идеальный возраст. Так они решили вдвоем, проведя скрупулезное исследование многих бессмертных, чья жизнь измерялась веками и тысячелетиями. Двадцать семь – время, когда у тебя еще нет ни морщинок, ни седых волосинок. На вопросы, почему выбран именно этот возраст, обе отвечали: «Какой смысл становиться бессмертной, когда у тебя уже сиськи успели отвиснуть?»

«Тщеславные дурищи», – прошипела Фьюри, первой услышав их объяснение.

Фьюри совершила Нырок в двадцать один год и не по своему выбору. Либо «так получилось», либо ее заставили. Этого ни Брайс, ни Даника толком не знали. Учеба в университете Города Полумесяца была для Фьюри лишь прикрытием ее миссии. Бóльшую часть времени она занималась по-настоящему жуткими вещами на Пангере, получая за это неприлично громадные деньги. В подробности она никогда не вдавалась.

Даника утверждала, что Фьюри – ассасин. Даже кроткая, ласковая Юнипера, четвертая в их тесном дружеском квадрате, соглашалась: судя по всему, их подруга – наемница. Неясным было и то, выполняет ли Фьюри разовые задания астериев и подвластного им Имперского сената или находится у них на службе. Но всерьез подруг это не волновало – в трудную минуту Фьюри всегда прикрывала их спины. В остальное время – тоже.

Рука Брайс застыла над золотым диском. Взгляд Даники ощущался как холодная гиря.

– Давай, Биби. Прояви характер.

Брайс вздохнула и положила руку на диск:

– Я хочу, чтобы у Даники появился маникюр. Нельзя так издеваться над ногтями.

Тело пронзила молния. Вокруг пупка на мгновение возникло ощущение пустоты.

– Напридумашь разный бред! – толкнула ее смеющаяся Даника.

– Ты это заслужила, – ответила Брайс, обнимая подругу за плечи.

Даника поблагодарила охранницу, улыбаясь во весь рот, и подчеркнуто проигнорировала туристов, торопящихся сделать снимки. Подруги молчали, пока не достигли северного края площади. Там их пути разошлись: Данике нужно было сворачивать налево и углубляться в Центральный деловой район, над которым летали ангелы и где высились башни внушительного Комитиума. Брайс уже одна пойдет на север, к Храму Луны, находящемуся в трех кварталах.

– Ну что, увидимся дома? – спросила Даника, кивнув назад.

– Будь осторожна, – прошептала Брайс, пытаясь подавить тревогу.

– Биби, я умею постоять за себя, – ответила Даника, но в глазах сверкнула любовь.

Приятно, когда есть хоть кто-то, кому не наплевать, жива ты или мертва. Брайс поймала этот взгляд, и грудь ей сдавило ответное чувство благодарности.

Любви к матери Даника не испытывала. И о том, кто ее отец, Сабина ни разу даже отдаленно не намекнула дочери. По сути, Даника росла одна, если не считать деда, который был слишком стар и занят делами, чтобы оберегать внуку от жестокости матери.

– Удачи, – сказала Брайс, кивнув в сторону Комитиума. – Постарайся не разозлить всех сразу.

– Ты же знаешь, что именно так и будет, – улыбнулась Даника, но глаза ее остались серьезными.

3

Вернувшись домой, Брайс застала в квартире всю Стаю Дьяволов. Лифта в доме не было. Еще на площадке второго этажа она услышала взрывы хохота и повизгивание, что у волков означало удивление или изумление. Чем ближе к двери, тем громче делались звуки. Брайс досадливо ворчала, понимая: спокойный вечер на диване ей не светит.

Ворчание переросло в цепочку заковыристых ругательств. (Слышала бы мать, она бы гордилась дочкой.) Брайс открыла синюю металлическую дверь, приготовившись к атмосфере волчьего доминирования, высокомерия и привычки совать нос во все стороны ее жизни. Этого ей вдоволь хватало с Даникой.

Стая Даники доводила подобные особенности волчьего характера до состояния искусства. В основном потому, что они считали Брайс частью стаи, хотя у нее на шее и не было татуировки с эмблемой.

Порою ей становилось страшно за будущего спутника жизни Даники, когда таковой появится. Если бедняга всерьез залипнет на Данику, то огребет по полной. Проще, если он сам окажется волчарой. Но спать с волком привлекало Данику ничуть не больше, чем Брайс.

По правде сказать, вообще не привлекало.

Дверь пришлось хорошенько толкнуть плечом, поскольку та была погнута и застревала. Виновные в этом сейчас торчали в гостиной, заняв продавленные диваны и кресла. Брайс вздохнула, увидев шесть пар глаз, устремленных на нее. И шесть улыбок во весь рот.

– Как прошла игра? – спросила Брайс у всех сразу.

Ключи она бросила в кривобокую керамическую миску, которую Даника сляпала в университете, где у них был дурацкий курс по старинным ремеслам. Брайс не терпелось узнать о решении по Бриггсу. Даника ограничилась коротким сообщением: «Дома расскажу».

Если потом Даника отправилась смотреть игру в солнечный мяч, встреча прошла довольно сносно. Так думала Брайс. Она даже получила снимок, запечатлевший всю стаю на фоне поля, включая и фигуру Итана в шлеме.

Послание от лучшего игрока не заставило себя ждать: «В следующий раз, Куинлан, не забудь появиться на матче».

«Щенок по мне соскучился?»

«Сама знаешь».

– Мы выиграли, – лениво сообщил Коннор, разлегшийся на любимом месте Брайс.

На нем была мятая серая футболка с эмблемой университетской команды по солнечному мячу. Под футболкой проступали мышцы.

– Итан забил победный гол, – добавил Бронсон.

На нем и сейчас была серебристо-голубая футболка с надписью «Холстром» на спине.

Итан – младший брат Коннора – считался неофициальным членом Стаи Дьяволов. Он был вторым после Даники, кому симпатизировала Брайс. Их переписка целиком состояла из дружеских перебранок, поддразнивания, обмена снимками и общего ворчания по поводу начальственных замашек Коннора.

– Опять он? – спросила Брайс, снимая жемчужно-белые туфли на четырехдюймовых каблуках. – Неужели Итан не может уступить немного славы другим ребятам в команде?

Обычно Итан сидел на диване рядом с братом и смотрел любую муть, которую показывал телевизор. Брайс приходилось втискиваться между ними. Но в дни игр он предпочитал проводить время с командой.

Уголки рта Коннора тронула улыбка. Брайс смотрела на него дольше, чем позволяло благоразумие. Пятеро остальных членов стаи (двое по-прежнему в обличье волков, помахивающих пушистым хвостом) столь же благоразумно держали свои рот и пасть закрытыми.

Все знали: если бы не Даника, Стаю Дьяволов возглавлял бы Коннор. Сам он не страдал. В отличие от Сабины его амбиции не простирались так далеко.

Брайс подвинула на вешалке свою балетную сумку, освободив место для сумочки, с которой вернулась из галереи.

– Что смотрите? – спросила она, покосившись на экран телевизора.

Спросила просто так. У нее было желание закрыться у себя в комнате и почитать какой-нибудь любовный роман.

– Детектив о захвате стаей львов подпольной фэйской корпорации, – ответила Натали, не отрываясь от страниц глянцевого журнала светской хроники и сплетен.